

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

О российском интеллигенте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806635

Аннотация

«Самый простой и верный способ поймать воробья – это насыпать воробью соли на хвост. По заключению многих ученых, исследовавших настоящий вопрос во всей его глубине и широте, соль, будучи обыкновенно только соленой, в сочетании с воробьиным хвостом приобретает совершенно особые, даже несколько загадочные свойства. Воробей положительно не выносит, когда на его хвост попала хоть крупинка соли – это факт...»

Содержание

Леонид Николаевич Андреев

О российском интеллигенте

Самый простой и верный способ поймать воробья – это насыпать воробью соли на хвост. По заключению многих ученых, исследовавших настоящий вопрос во всей его глубине и широте, соль, будучи обыкновенно только соленой, в сочетании с воробьиным хвостом приобретает совершенно особые, даже несколько загадочные свойства. Воробей положительно не выносит, когда на его хвост попала хоть крупинка соли – это факт. Воробей остается вертлявым, жизнерадостным, болтливым, но лишь до той минуты, пока его не коснулась соль. С этой же минуты характер воробья резко меняется к худшему: крылышки воробья бессильно опускаются, головка нахохливается, и глазки смотрят так печально, как будто все надежды на скромное воробьиное счастье утрачены им безвозвратно. В этом жалком состоянии воробья можно брать голыми руками, без всяких приспособлений, и делать с ним все, что заблагорассудится: то ли изготовить из него паштет, который, по слухам, бывает очень вкусен, то ли попросту взять его за ножки и головкой об камешек – тюк!

Не нужно, однако, думать, что воробей – единственный представитель животного мира, в жизни которого соль имеет

столь решительное и пагубное значение. Всем, кому, хотя бы издали, приходилось наблюдать за разновидностью *hominis* известной под именем интеллигента, приходится убедиться, что самый простой и испытанный способ поймать интеллигента – это ему насыпать соли на хвост. По отношению к интеллигенту этот способ даже вернее, так как за воробьем приходится для настоящей операции усиленно и долго гоняться, интеллигент же сам с полным радушием подставляет необходимую для этой операции часть тела. И если даже в нужный момент он парил в высших сферах, где достать его было затруднительно, то стоит только приветливо крикнуть:

– Господин интеллигент, пожалуйста – соль готова!

Интеллигент сейчас же комком упадет к вашим ногам, жалко улыбнется и все, что требуется для операции, в наличии представит. Мозг заправского российского интеллигента, словно цепями охаживаемый с самого раннего детства, обладает поразительной гибкостью, податливостью и мягкостью, не всегда достигающей до степени размягченности, но часто стоящей на границе с ней. С самого раннего детства, когда интеллигент был еще только малосмысленным мальчуганом, подобным всем иным мальчуганам на свете, ему начинают внушать разные правила: правила грамматические, правила умножения и деления, правила благопристойности, правила приличия и все прочие бесчисленные правила вплоть до того, каким манером подобает сморкаться с наименьшей затратой энергии. И внушают, внушают, вну-

шают... Думать и отыскивать самому положительно нет времени, да нет и надобности: на всякий случай жизни существует вполне определенное правило. В школе это правило печатное – в книжке прямо сказано: воспрещается употреблять спиртные напитки и табак, посещать рестораны, театры и проч.; дома это правило словесное, а иногда и писаное; в книжке, выбранной для чтения благоразумным родителем, опять печатное. Целый дремучий лес правил, в которых безысходно бьется интеллигентная заблудшая душа. Черт их знает, откуда эти правила взялись, кто их выдумал, создал, укрепил и ввел в жизнь, но будто частоколом окружают они – податься некуда: и тут и там о неожиданное правило лоб расшибешь. И роль на долю юного интеллигента выпадает самая страдательная. Правила сталкиваются друг с другом, правила на кулачки дерутся, правила фискалят, правила в карцере сидят, – все правила. Полное торжество исконного начала «magister dixit»¹, причем роль учителя может выполнить решительно всякий, у кого есть хоть малый запас соли.

Попал я недавно в комнатку к одному гимназисту и над дверью прочел углем написанное: «Ты знаешь, каков ты сам, а что о тебе думают другие, наплевать». Последнее слово заканчивалось десятком энергичнейших восклицательных знаков, и все изречение в общем представляло правило, которое гимназист выкопал откуда-то для себя. Посмотрел на

¹ Так сказал учитель (*лат.*).

него: ходит гоголем, плюет через зубы и говорит грубости. Точно ли нужно так-таки плевать на людское мнение, ему, конечно, неизвестно, но *magister dixit* – и баста. Да хорошо еще, что правило попало такое жизнерадостное, а будь похуже – и похуже исполнил бы этот юнейший воробей, посыпанный солью.

Но *dixit magister* – не одним только гимназистам: и сами премудрые папаши их прислушиваются к его властному голосу и неуклонно требуемое творят. Бог знает, до чего доходит власть слов над мягким мозгом и к каким странностям и нелепостям она приводит. Странно сказать – но какое-нибудь остроумное изречение, с силой и чувством написанное стихотворение, художественно и талантливо вымышленный образ какого-нибудь героя или страдальца способен влиять и определять настроение не только отдельных личностей, но целого поколения. Иногда такой эффект способно создать даже одно, не особенно ядовитое слово. Я знал одного интеллигента, далеко не метафизика, который случайно наткнулся у Толстого на проклятый вопрос: к чему, т. е. к чему мы живем², – и с этого дня ошалел так основательно, что только

² ...который случайно наткнулся у Толстого на проклятый вопрос: к чему, т. е. к чему мы живем... – Гимназистом Андреев прочитал книгу Л. Толстого «В чем моя вера». Положительной части этого религиозно-философского трактата (веру в Бога) не принял, а отрицательной, по его словам, «был крайне уязвлен». В мае 1889 г., размышляя о смысле жизни и роли «случая» в ней, чтобы «испытать судьбу», лег между рельсов под проходящий поезд (см. Брусянин, с. 54). Об этом случае Андреев поведал М. Горькому. «В рассказе, – писал М. Горький в очерке „Леонид Андреев“, – было что-то неясное, недействительное, но он украсил его

холодная вода могла привести его к нормальному и допустимому в обществе виду. Знал я и другого интеллигента, комика, который долго был человеком трезвенного жития, а потом чуть не спился, и только потому, что случайно услышал понравившуюся ему песенку:

Рассудок твердит укоризну,
Но поздно – меня не спасти:
Над сердцем справляю я тризну,
А там... хоть трава не расти!³

Споет, мрачно улыбнется – и выпьет. Споет, горько заплачет – и выпьет. Да так вплоть до белой горячки. Да что говорить об отдельных лицах, когда еще не сошла со сцены целая порода нытиков, созданных благозвучными стенаниями Надсона⁴, и кишмя кишат герои чеховских унылых настроений.

(Я не стану говорить о том, что известно: о тех внешних

изумительно ярким описанием ощущений человека, над которым с железным грохотом двигаются тысячепудовые тяжести» (Горький М. Полн. собр. соч., т. 16, с. 315). Этот эпизод из биографии Андреева нашел отражение в рассказе Андреева «Весной» (1902) и пьесе «Младость» (1916).

³ *Рассудок твердит укоризну...* – Цыганский романс «Хоть трава не расти». Слова и музыка актера А. М. Шмидтгофа (см.: «Цыганское раздолье, собрание любимейших и новейших цыганских песен», № 28. СПб., изд. кн. магазина «Северная лира», 1890).

⁴ *Надсон С. Я.* (1862–1887) – поэт, выразивший настроения демократической интеллигенции в эпоху политической реакции и кризиса народничества. См. статью Андреева «Надсон и наше время».

условиях, которые усиливают гипноз или мрачных, или веселых фраз. Во всяком случае, для той среды, о которой идет речь, условия эти не имеют решающего значения и сами в значительной степени усиливаются и даже создаются фразами.)

Недавно на свет выскочила еще одна из таких фраз – и не новая по мысли, и не особо сильная по выражению, но проникнутая настроением, легко заражающим предрасположенные мозги.

«Серая жизнь, скучная жизнь – серая с пятнами крови на ней» – такова эта фраза. Действительно, и красиво, и образно, и есть что-то такое этакое, – одним словом, нет ничего мудреного, что даже такой бодрый литератор, как NN⁵, поддался гипнотизирующему влиянию красивой иностранной фразы и слегка всплакнул об унылости и серости жизни. И будет вполне естественно, если сотни и тысячи глаз с мрачным удовольствием остановятся на этой фразе, и такое же количество мозгов изобразит письменно ли, устно ли или

⁵ ...*бодрый литератор, как NN...* – В газетной публикации фельетона стояло: Old gentleman. Так подписывал свои фельетоны А. В. Амфитеатров (1862–1938) – плодовитый беллетрист, журналист, основавший в 1899 г. в Петербурге, вместе с известным фельетонистом В. М. Дорошевичем, газету «Россия» умеренно-либерального направления. Андреев имеет в виду фельетон «Этюды. CLVII» (Россия, 1901, № 625, 21 января), в котором Old gentleman цитирует начало стихотворения не названного им автора, присланного для напечатания в газете, но отклоненного редакцией «России» как художественно слабое. По мнению А. В. Амфитеатрова, процитированные строки верно характеризуют «жизнь людей чересчур избалованных и запуганных».

даже в молчанку соответствующий плач о жизни.

...«Серая жизнь, скучная жизнь – серая с пятнами крови на ней». Действительно, недурно. Но все-таки – почему же она именно серая. И скучная. И действительно ли она такова? И правда ли, что глаз не видит иного сочетания цветов, кроме этой серой краски с кровавыми на ней пятнами?

Нет, не правда. Лживая эта фраза и дурная, хотя поэзии и красоты от нее хоть отбавляй. Лжива она прежде всего потому, что в дурное, вероятно, катаральное настроение одного человека или группы лиц она окрашивает бесконечно пеструю, яркую и интересную жизнь, и, что хуже всего, на нее же, на оклеветанную жизнь, взваливает вину за собственную дряблость и никчемность.

В трагическом и горько-недоуменном положении находится российский «интеллигент» – явление, поистине достойное жалости и смеха и, во всяком случае, серьезного изучения, как нечто безмерно своеобразное и в истории небывалое. Оторванный от народной трудящейся массы, вознесенный куда-то в беспредельную высь, объевшийся до расстройства желудка хлебом духовным, опившийся уксусом и желчью своего бесцельного и беспутного существования, количественно ничтожный, но мнящий себя единственным, тощий, как фараонова корова, и ненасытный, как она, – сидит он в какой-то чудной бане и во всю мочь парится венниками вечного и дикого покаяния. Владения его огромны: с севера они ограничиваются Иваном Ивановичем, с восто-

ка Петром Ивановичем, с прочих сторон, какие полагаются в географии, доктором таким-то и инженером таким-то с семействами. В пределах означенного горизонта интеллигент решает мировые вопросы и вопросы о существовании России, ставит для себя задачи и неблагоприятно оные разрешает; впадает в отчаяние, если сосед справа загрустил, и предсказывает антихриста; благодушно смеется и жертвует на пользу общественную перспективы, ежели сосед слева встал в отличном настроении. И уже во всяком разе кончину мира, а в частности – России, ставит в полную зависимость от собственного пульса и самочувствия. А в ожидании кончины – дразги на почве возвышенных стремлений, звучное взаимоаушение во имя идеала, благожелательное ничегонеделание в целях духовного совершенствования – и хандра, хандра...

«Скучная жизнь» – возмутительнейшая фраза, ярко определяющая всю наивность самомнения, всю нелепость существования заправского интеллигента. Ну, назови ее серой – это дело глаза и ни к чему не обязывает; укажи на кровавые пятна – это будет довольно похоже на правду и содержит в себе кое-что обязательное... но скучная! Музыка для него играет, театр для него двери настежь открывает – пожалуйста. Книжки для него печатаются, работы разумной, хорошей предлагается ему хоть до отвалу; больные, обездоленные, униженные и оскорбленные ждут его не дождутся, – а он кривляется перед зеркалом и не без красоты хнычет:

скучная жизнь, серая жизнь. Возле него, возле самых ушей его раздаются призывные голоса: людей, людей давайте, потому что вот оно, есть хорошее дело, да делать его некому, – а он, обратившись лицом к печальнейшему Ивану Ивановичу, тоскливым голосом нудит:

– И зачем мы! И к чему мы!

А внизу – далеко внизу – пропастью целой отделенная от этой бесталанной своей головушки, живет и могуче дышит народная масса. Для нас – она спит, для нас дыхание ее – лишь признак бессмысленной силы. Но разве мы знаем, о чем грезит она? А узнай – не нашлось бы кой-чего веселого и бодрого в этих грезах, менее туманных, чем это кажется сверху?

...«Скучная жизнь, серая жизнь – серая с пятнами крови на ней» – на сколько воробьиных хвостов хватит соли в этой великолепнейшей фразе!

Впрочем, сейчас настроение повышается. Наступают времена Максима Горького, бодрейшего из бодрых, и вместе с ними замечается неудержимое падение курса на хандру и представителей оной.

В этом есть даже что-то трагическое.

До самого последнего времени человек хандры и утонченно тоскливых чеховских настроений представляет собой всюду *personam gratam*⁶. Здоровый смех, дерзкий и прямой язык, бодрая жизнерадостность представлялись проявлени-

⁶ Лицо, пользующееся особым вниманием (лат.).

ем вульгарности натуры и вызывали прискорбно-насмешливую улыбку. Чтобы иметь успех где бы то ни было: в печати, в обществе, у знакомых и, наконец, у женщин, необходимо было обладать поэтической внешностью мокрой курицы и таким запасом хандры, не имеющей ни начала, ни конца, чтобы даже наименее чувствительные собаки начинали выть при приближении героя. И он входил, развинченный, бледный, томный, подернутый «дымкой грусти», и говорил, показывая в окно:

– Пролетела галка, за ней другая. И много пролетело галок, и я смотрел на них, и печально светило заходящее солнце, и черные тени падали на землю. О Боже!

И все слушатели представляли себе, как пролетела одна галка, а за ней другая, и становилось так грустно. Потом приходил другой настроенник и сообщал, что пробежала собака, а за ней другая собака, и становилось еще грустнее, еще тоскливее. Жизнь, в которой галки летают, а собаки бегают, теряла свой смысл, и что бы ни делали люди и животные, все это примерялось на «болван» хандры, не имеющей ни начала, ни конца. Вырабатывались такие ловкачи, что даже свой ночной храп переложили в музыкальную элегию, и в свистении их интеллигентного носа слышалось что-то такое печальное, грустно-красивое и безнадежно-одинокое. И таким людям был первый кусок и место в красном углу, и чем нуднее и универсальнее было их нытье, тем большим почетом и любовью окружали их. Создавалась особая манера го-

ворить – жалостная, тихая, причем, редкая улыбка показывалась, как луч солнца среди туч, после которого, как известно, становится еще грустнее. И всю природу запрягли в эту упряжку безначальной и бесконечной грусти, и все листья на всех деревьях в России умели шелестеть только о печальном. Все кудрявые березки стали плакучими ивами, все дубы – дубинами, – в этом есть что-то непонятно-печальное, – и когда гимназист шел на свидание, в его уме складывались такие безнадежно унылые фразы, которыми он несказанно огорошит предмет своей грустно-одинокой любви:

– Мне отдали сегодня балльник, и в нем одиноко стояла печальная единица. Направо и налево раскидывались белые поля, и единица стояла, и я думал о других балльниках с белыми полями и других одиноких единицах. Грустно шелестели листы учебников, и в безнадежной апатии свисали со стула фалды учителя, а где-то далеко кричал француз: «вон, мальчишка».

И кто не умел грустить сам, тот непременно обзаводился грустящими друзьями и кормил их, а они грустили.

И вот – и вот внезапно рухнул трон всех грустящих. Положение трагическое для людей, и мыслительную свою и говорильную машину навсегда приспособивших к меланхолии. Чувствует, что надо говорить что-то такое этакое веселое, бодрое, а как оно говорится, не знает. Попробует начать по-старому:

– Пролетела галка...

И как потом галку он ни позорит, а грусти настоящей уже не получает. Но и веселья нет. Так, ни к чему. Попробует на природу сослаться: был я, дескать, сегодня в парке и видел, как деревья наклонились к друг другу и о чем-то грустно шептались...

– А почему вы знаете, что грустно?

Скверное положение. В душе пустота, на языке дребедень; и хочется бодрого, а силушки у него нет. А тут бок о бок вырастает молодое, зеленое, шумное и бодрое, и просит жизни и работы. Скверное положение!